

А. ОРЛОВА

ЛЕТО, КОГДА ТЫ
БЫЛА НЕВЕСТОЙ

16+

Анастасия Орлова

Лето, когда ты была невестой

«Автор»

2020

Орлова А.

Лето, когда ты была невестой / А. Орлова — «Автор», 2020

"Лето, когда ты была невестой". Сквозь сердце дремучего леса, среди вековых деревьев и кружевных папоротников, где не ступала нога человеческая, хмурый молчаливый воин везёт на вороном коне юную цесаревну. Он спас её, да не по своей воле; он должен отвезти её к жениху, да только брак не по любви. И если бы знала цесаревна, кто на самом деле её спаситель, и куда могут завести нехоженые лесные тропы, то не думала бы, что самое страшное для неё уже позади, ведь история только начинается... "Драконий лекарь" Это короткая история о пути протяжённостью в целую жизнь и продолжительностью всего в три дня. История пути, неразрывно связавшего последнего в этом мире дракона и меня, его убийцу.

© Орлова А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Лето, когда ты была невестой	6
Часть первая. Брегир	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анастасия Орлова
Лето, когда ты была невестой

Лето, когда ты была невестой

...И терялась тропа в тёмной чаще лесов,
И был месяц, как коготь медвежий, остёр.
Засыпай, цесаревна, не слушай злых слов,
Не смотри на кровавый по коже узор.

У кого что за сердцем – тот тем и богат,
Кто-то жизни спасает, а кто-то – крадёт.
И спаситель твой будет опасней стократ
Той беды, от которой тебя увезёт.

Пролог

Я с трудом разлепляю смёрзшиеся ресницы и веки – жестокий свет нестерпимо жжёт глаза даже сквозь них. Вокруг меня всё белое, хрусткое, торжественное. Ледяная пустыня окутывает меня, словно свежие крахмальные простыни, словно саван для немужней девицы, украшенный как подвенечное платье, раз уж последнее примерить ей так и не довелось. Всё правильно. Всё идёт своим чередом. Здесь меня никто никогда не найдёт, равно как и я никогда уже не найду того, кого ищу...

Я пытаюсь вспомнить его имя, но память моя окоченела, и я перестала чувствовать её, как свои руки и ступни. Его имя – точно серый осколок скалы, крошащийся под пальцами острыми камушками, за которым можно укрыться и от лютого ветра, и от заклятого врага. Оно очень ему подходит. Оно вертится у меня в голове, но я никак не могу поймать его. Как, бывает, не можешь вспомнить строку из середины песни, пока не начнёшь петь её с самого начала.

Часть первая. Брегир

*Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес...
М. Цветаева*

1.1

– Я понимаю твою грусть, милая, и разделяю скорбь! – с фальшивой нежностью пропел Рейслав. – Но, как бы жестоко это ни звучало, у тебя нет времени оплакивать отца. Сейчас есть вещи более значимые: страна осиротела, осталась без правителя, и долг цесаревны – поспешить с замужеством, выбрать нового цесаря. Ах, если бы знать заранее, что эта неведомая хворь убьёт моего бедного брата, ты бы, конечно, не отказала Таерину, единственному соискателю твоей руки! – Рейслав горестно вздохнул. – Посмотри на себя, – с жалостью продолжил он, – бледна, худа, черноволоса! Вся в мать-чужеземку. Боюсь, тебе пришлось бы долго искать достойного человека, что согласился бы взять тебя в жёны. Непозволительно долго, если бы не я, милая! Я спасу тебя. Спасу королевство. И всех нас. Мы сократим время скорби по твоему отцу до месяца, а потом сыграем свадьбу. Не очень пышную. Всё должно быть скромно и умеренно, как дань уважения почившему. Но откладывать нельзя!

Сольгерд до боли в пальцах сжала шёлковый платок и опустила голову ниже. Она изо всех сил старалась не смотреть на Рейслава, не видеть его длинные нервные пальцы, накручивающие её локон, вкрадчивую улыбку, игравшую на хищных губах, пронзительные голубые глаза, в холодной глубине которых то и дело вспыхивали искры беспощадности. Он наслаждался властью над ней и не пытался этого скрыть. Его утончённая красота, шёлковый голос, дорогой аромат, сделанный на заказ лучшим парфюмером королевства, вызывали в Сольгерд непреодолимое отвращение. Её била мелкая дрожь, и, казалось, её вот-вот стошнит. Вот бы на его расшитые шёлком туфли! Она была уверена, что без Рейслава не обошлись ни длительная болезнь её отца, ни его смерть.

– Что молчишь, милая? – Он бесцеремонно приподнял её лицо согнутым пальцем за подбородок, и комната покачнулась, как корабельная палуба. – Посмотри-ка, что я тебе принёс!

Рейслав торжественно подхватил бархатный ларец и раскрыл его. Внутри, переливаясь гранями драгоценных камней, лежала диадема.

– Корона твоей матушки, любовь моя! Примерь-ка!

Он трепетно достал драгоценность из футляра и водрузил на голову Сольгерд. Края короны впились в кожу, словно заточенные. Рейслав хозяйским движением откинул волосы цесаревны за плечи и отступил на шаг, глядя на неё с неподдельным восхищением.

– Я обещаю любить тебя, милая, – прошептал он, – как любил твою мать, ведь ты так на неё похожа! Но тебя у меня никто не отнимет, даже мой собственный брат! Она выбрала его. И умерла из-за него. Но ты выберешь меня, и всё будет хорошо, слышишь? Всё будет хорошо, если ты будешь моей!

Рейслав подошёл к Сольгерд почти вплотную и погладил её по щеке. Сжав зубы, она стерпела его прикосновение.

– Видишь, как всё просто, моя маленькая беззащитная цесаревна! – усмехнулся он, медленно и многозначительно поцеловал её холодные дрожащие пальцы и вышел из опочивальни, замкнув дверь на ключ.

На секунду воцарилась тишина. Так бывает, когда во время шумного летнего купания резко нырнёшь под воду: из звуков остаётся лишь едва уловимый звон в собственной голове. Сольгерд рванула венец с головы и с такой силой швырнула в затворённую дверь, что на месте удара появилась щербина.

– Волчий ты выкормыш! – прошептала она, бессильно опускаясь на пол. – Умереть отраднее, чем быть твоей!

– Ты мне должен! – Маленькая женщина с потемневшей и сморщенной от прожитых лет, словно грецкий орех, кожей, перегнулась через узкий деревянный стол. – Жизнь за жизнь, помнишь? – Она многозначительно постучала кончиком пальца по столешнице.

Через стол на неё холодно смотрел черноволосый мужчина. Он не был стар, но в короткой бороде уже поблёскивал первый снег ранней седины, а промеж бровей залегла морщинка, заметная даже тогда, когда он не хмурился.

– Что ты хочешь от меня, Келлехерд? – устало уронил он. – Даже если я вытащу её из замка и увезу подальше, что мне с ней делать? Её будут искать, она же наследница, пусть сама она и не имеет права на престол. И не будет Рейславу спокойно спать, пока она жива, но не его жена.

– Я хочу, чтобы ты её спас и отвёз в сопредельное государство. Тамошний королевич просил её руки. Политический брак. Она отказала, но цесарь так и не успел отправить её ответ. Там Сольгерд будет в безопасности. Брегир, ты обещал: жизнь за жизнь! Только я не за свою жизнь прошу, а за её.

– Ты одного понять не хочешь, Келлехерд! – Брегир облокотился о стол. – До королевича твоего несколько дней пути. Ты же понимаешь, *как* мне придётся её вызволять из-под Рейславовой охраны? И *какую* цену я за это заплачу? А потом она останется со мной посреди леса, и я не уверен, что смогу тогда защитить её. Этого ты хочешь для своей цесаревны?

Нянюшка Келлехерд потемнела лицом. Её морщинистые ладони с сухой, тонкой, словно пергамент, кожей, задумчиво гладили столешницу.

– Я верю тебе, Брегир, – сказала она наконец, – потому что знаю тебя.

– Да причём здесь я! – Брегир, на миг потерял самообладание, но осёкся и снизил голос. – Если бы всё зависело только от меня!

– С Рейславом Сольгерд умрёт. Но ты можешь подарить ей надежду. И я в эту надежду верю. И в тебя – тоже. На этом точка! – Нянюшка поджала губы и хлопнула ладонью по столу. – Я попробую опоить часть стражников дурманом, чтобы тебе не пришлось... так много их... ну... убивать их всех.

Брегир закатил глаза, но Келлехерд не стала больше ничего слушать. Она поднялась и направилась к выходу из таверны, вместо прощания бросив на него строгий взгляд.

Пробормотав неразборчивое ругательство, Брегир обречённо опустил голову на сомкнутые в замок пальцы. Жизнь за жизнь. Он сам сказал, пусть и минуло с тех слов уже лет пятнадцать. Что ж, он не может нарушить собственную клятву. Чем бы потом это ни обернулось. Проклятая цесаревна!

Станный шум дёрнул её из полузабытья, словно чья-то рука за шиворот вытащила из воды идущее ко дну тело. Сольгерд лежала на полу своей опочивальни, измождённая слезами и жгучим, бессильным гневом. В коридоре послышались возня и сильный удар, будто охранник, дежуривший у покоев, бросился на дверь всем телом, а потом медленно стёк на пол. Сольгерд приподнялась на локтях. Снаружи тихонько звякнули ключи. Первый не подошёл. В замочной скважине удалось повернуть только четвёртый.

Она замерла от ужаса. Сердце с гулким уханьем билось где-то в горле. Дверь тихонько отворилась, и цесаревна увидела лежащее на пороге тело стражника. Забрызганные засохшей грязью сапоги перешагнули через него, щёлкнул замыкающий дверь ключ. Сапоги подошли ближе. Сольгерд медленно запрокинула голову и увидела их хозяина: высокого горбоносого мужчину. Из-за его плеча выглядывала рукоять добротного меча, нахмуренную бровь от лба к виску пересекал застарелый рваный шрам, на скуле краснела свежая ссадина, похожая на след от латной перчатки. От угла рта шла подсыхающая кровавая дорожка и терялась в короткой

бороде со стальными проблесками, но длинные тёмные волосы, небрежно стянутые на затылке кожаным ремнём, седина ещё не тронула.

Он окинул равнодушным взглядом уставившуюся на него Сольгерд, бесшумно прошёл к окну и, распахнув ставни, выглянул наружу.

– Придётся прыгать, цесаревна, – сказал незнакомец низким, хрипловатым голосом, подошёл к Сольгерд и протянул ей руку, чтобы помочь подняться.

– Я никуда с вами не пойду! – прошептала она, осторожно отползая назад.

– А под венец с Рейславом пойдёшь? – мужчина бесцеремонно поднял её за локти, поставил на ноги. Казалось, он даже не заметил, что цесаревна пыталась сопротивляться. – Любишь его?

– Что-о-о?! – возмущённо задохнулась Сольгерд, на миг оставив попытки выкрутиться из рук незнакомца.

– Ну и всё тогда, – подытожил он, перекидывая Сольгерд через плечо. Мужчина легко, словно и не барахталась на его плече сопротивляющаяся цесаревна, взлетел на подоконник, а потом прыгнул вниз.

Несмотря на сонное зелье няньки, без жертв не обошлось. Брегир понимал, что вернуться тем же путём, каким зашёл, ему вряд ли удастся, тем более с цесаревной. Поэтому он велел Келлехерд подготовить под окном опочивальни телегу со щедрым слоем сена. Туда же подвести и Брегирова коня. На их счастье, старая Келлехерд всё сделала на совесть, но в покоях Сольгерд его поджидала другая незадача: когда Брегир протянул цесаревне руку, чтобы помочь подняться, он увидел в её взгляде даже не страх – ужас, и понял: няньке так и не удалось поделиться с ней планом. Для цесаревны он был пугающим, замаранным чужой кровью незнакомцем, которому она вряд ли сдастся по доброй воле. А объяснять что-то уже совсем некогда – за закрытой дверью послышался приближающийся топот стражи. Поэтому Брегир просто закинул цесаревну на плечо и перемахнул через подоконник.

Вороной конь вынес их из крепости, сбив на своём пути несколько стражников, и проскочил в уже закрывающиеся городские ворота. Он храпел и брызгал пеной, закладывая невероятные петли, как убегающий от хищника заяц. Резко заворачивая, заваливался на бок так, что, если бы незнакомец не держал Сольгерд перед собой железной хваткой, она бы вылетела из седла и разбилась бы на первом же повороте. Из-под копыт коня летели фонтаны песка и мелкого щебня, и Сольгерд ничего не видела в этом песчаном вихре.

Беглецы не сбавили скорость и за городскими стенами. Конь летел так, что уши закладывало от свиста встречного ветра. Неожиданность похищения давала им немного лишнего времени, пока Рейслав собирает погоню, и Брегир не тратил его понапрасну.

Лишь когда они достигли самой глубины леса, удалились от найденных тропок и дорог, запутали следы, Брегир спешился и снял с седла цесаревну. Мгновение они молча стояли друг против друга.

Он видел Сольгерд худенькой, растрёпанной, настороженной, похожей на вывалившегося из гнезда птенца. Она бы казалась жалкой, если бы не её упрямые попытки совладать со своим страхом. Или хотя бы чуть-чуть его скрыть. Она же смотрела на уставшего воина, который только что вышел победителем из жестокой драки. Он не выглядел злым – у злых людей совсем другой взгляд. На вид он казался опасным, но не для похищенной им девушки.

Брегир кивнул ей на журчащий меж деревьев полноводный ручей:

– Напейся. И можешь умыться, если хочешь.

Но цесаревна не шелохнулась.

– Кто вы? – тихо спросила она.

Брегир ответил не сразу. Келлехерд была убеждена, что ей удастся увидеть свою воспитанницу и всё ей рассказать. Она ошиблась. Теперь придётся объяснять цесаревне самому. А он был не силен в разговорах.

– Меня послала твоя нянька, старая Келлехерд, чтобы помочь.

Брегир смотрел Сольгерд в глаза, и его взгляд был спокоен и мягок. Он не хотел пугать её ещё больше, поэтому даже не пытался подойти ближе. Отвязав от седла небольшой тряпичный мешок, он бросил его к ногам цесаревны.

– Тебе нужно переодеться. В шелках ты слишком приметна.

Сольгерд осторожно развязала тесёмки, стягивавшие горловину мешка, внутри оказалось простое крестьянское платье. Она вопросительно подняла глаза на своего похитителя.

– Принц Таерин сделал тебе предложение? – в лоб спросил Брегир, не зная, как лучше подступиться ко всем этим объяснениям.

Сольгерд неуверенно кивнула.

– Ну вот... Келлехерд знает точно, что цесарь... твой отец, не успел отправить ему отказ. Я должен доставить тебя к Таерину, а ты – принять его предложение.

– Но я не хочу!

– Чего не хочешь? Замуж за Таерина?

– Я его совершенно не знаю, это – политический брак и... – принялась объяснять дрожащим голосом Сольгерд, но Брегир перебил её:

– Из других вариантов у тебя только брак с Рейславом. Всё. Переодевайся.

Он отошёл к ручью и, опустившись на одно колено, ополоснул лицо холодной водой. Сольгерд стояла, чуть не плача, прижимая к груди скомканное платье.

– Я не могу так, – прошептала она.

Ох уж эти девичьи мечты о большой любви и пышной свадьбе! Уж ей, как цесаревне, должно бы предвидеть вынужденный брак, а не красивую историю с вечерами под луной.

– Если у тебя есть другие варианты, я тебя слушаю. И отвезу тебя к тому суженому, которого укажешь, – мрачно ответил Брегир, не поднимаясь с колена.

– Я не об этом. – Её голос стал ещё тише. – Я не могу переодеваться... при мужчине.

– Ты у меня за спиной. Я не смотрю.

– Но вы всё равно здесь.

– А куда мне деться, на дерево влезть? – с плохо скрываемым раздражением осведомился Брегир. – Мне не интересна ни ты, ни твои наряды, чтоб за тобой подглядывать, переодевайся спокойно.

Белоснежные скулы Сольгерд залила краска. Какое-то время она стояла не шелохнувшись, потом завозилась и опять затихла.

– Всё?

Обернувшись, Брегир застал цесаревну в том же виде, что и оставил.

– Я не могу развязать корсет, – едва слышно пролепетала она.

– Так попросила бы.

Он направился к ней, но Сольгерд отпрянула.

– Это неприлично – расшнуровывать посторонн...

– А я и не собирался *расшнуровывать*! – бросил Брегир, развернув цесаревну спиной и одним взмахом вспарывая шнуровку ножом. – Вот и всё, – и он направился обратно к ручью, чтобы наполнить водой флягу.

Провожавшая его ошеломлённым взглядом Сольгерд заметила, что он едва прихрамывает на левую ногу. Что-то во всей его фигуре, движениях, длинных тёмных волосах, стянутых потёртым ремешком в небрежный хвост, ей вдруг показалось смутно знакомым, но сколько бы она ни старалась поймать воспоминание, оно ускользало от неё, как сон на рассвете.

– Как вас зовут?

Её голос прозвучал совсем близко, и Брегир обернулся. Цесаревна опустила на колени подле ручья, зачерпнула полные ладони проточной воды.

– Брегир.

Его имя Сольгерд ни о чём не сказало.

Брегир подождал, пока цесаревна неуклюже умоется (ей всю жизнь поливали на руки из золотого кувшинчика над серебряным тазиком, и как Келлехерд представляет себе её выживание несколько дней в лесу, интересно?), потом протянул ей только что наполненную флягу. Чего доброго, плюхнется головой в ручей, пытаясь из него напиться. Сольгерд кивнула, вновь стыдливо зардевшись. От её глаз не ускользнула едва заметная насмешливая улыбка Брегира, и она поняла, что до смешного беспомощна и неловка.

– Нам пора.

Брегир легко подхватил её за талию и усадил в седло. Взяв коня под уздцы, он повёл его в поводу по руслу ручья.

– Если собаки пойдут по нашему следу, в воде они его потеряют, – пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Сольгерд, хотя не собирался ничего ей объяснять.

Долгое время они ехали в полной тишине, и Брегир уже успел обрадоваться, что цесаревна молча примет помощь и не станет ни о чём его расспрашивать. Но не тут-то было.

– Откуда нянюшка вас знает? – спросила Сольгерд, когда её страхи немного улеглись.

Брегир не ответил, продолжая сосредоточенно шагать по руслу ручья. Ещё немного, и можно будет выбраться на сушу.

– Она, кажется, не из тех, кто мог бы познакомиться с наёмником в таверне или на ярмарке, – вслух размышляла Сольгерд. – Значит, вы встретились не там. Интересно, где тогда?

Слово «наёмник» хлестнуло Брегира, словно отпущенная ветка. Он не любил это слово: так называют тех, кого легко перекупить, для кого не важно, кому служить: хозяином станет тот, кто заплатит больше. В какое бы болото ни заводила его жизнь, он никогда не ставил деньги выше чести. Но постоянно слышал в свой адрес, словно плевки: «Наёмник!». Что ж, по сути он им и был. А всё остальное – про честь и преданность – так, лирика. Для менестрельских баллад и для тех, кто ещё может себе позволить образ благородного воина.

– Брегир?

– Что?

– Так где же?

– Нигде. Я должен ей. Жизнь за жизнь.

– Да-а-а? – удивлённо протянула Сольгерд. – Она спасла вам жизнь?

– Давно.

– Вы, наверное, тогда были ребёнком?

– На пару лет постарше тебя.

– Но мне почти двадцать!

– Значит, чуть больше, чем на пару.

Сольгерд чувствовала нежелание Брегира ворошить эту тему, но любопытство разгорелось и остановиться было уже сложно.

– Как это произошло?

Но отвечать Брегир не стал. Он вывел коня из ручья и сел в седло позади Сольгерд.

– Держись крепче, – мрачно бросил он ей, пришпорив вороного.

Сольгерд казалось, что они едут уже несколько часов. Она не привыкла к долгим конным прогулкам, она вообще не очень хорошо держалась в седле, и теперь всё её тело отзывалось болью. Особенно беспокоила спина, которую она из последних сил пыталась держать прямо, чтобы ненароком не коснуться сидящего позади неё Брегира.

– Если ты будешь сидеть в седле хотя бы в половину не так напряжённо, нам обоим будет легче. Всем троим, если считать коня, – заметил Брегир, но Сольгерд лишь возмущённо дёрнула плечом.

Брегир мрачно вздохнул, мысленно поминая недобрым словом Келлехерд.

Приближалась ночь. Лучше было бы провести её в пути, чтобы ещё больше оторваться от погони (а она, несомненно, была), но Брегир ощутил уже знакомые тревожные перемены. Чем темнее становилось, тем чётче его глаза различали мельчайшие детали, улавливали едва заметное движение насекомых, шевеление листьев. И запахи: обоняние обострилось, и он мог расплести запах леса на отдельные ноты земли, травы, коры деревьев. Он чуял притаившегося в норе поблизости зайца и белку, прыснувшую от них за несколько футов. Белку он ещё и слышал.

От Сольгерд пахло белым шиповником и речной водой с сочным листьями кувшинок и мелким илом, словно от русалки. А ещё – страхом и чуть его притупляющей усталостью.

Нужно искать место для ночёвки, нужно успеть...

Они остановились в кругу раскидистых елей, устлавших землю мягким слоем иголок. Брегир расстелил тёплый плащ поверх еловой перины и кивнул на него Сольгерд, отыскивая в седельной сумке ужин. «Глубоко дышать. Не делать резких движений», – он до последнего надеялся, что всё обойдётся, но всё же нужно было уйти на безопасное расстояние. И быстро.

– Мы заночуем здесь, прямо в лесу? Разве не будем искать какой-нибудь постоянный двор в ближайшей деревне?

Брегир медленно перевёл тяжёлый взгляд на цесаревну:

– Какой-нибудь постоянный двор в ближайшей деревне сейчас ищут люди Рейслава, в надежде схватить там тебя и вернуть назад суженому, – произнёс он спокойно, но Сольгерд прочла гнев в его напряжённых скулах и в залёгшей меж бровей морщинке. – Мы даже не будем разводить костёр. Не сегодня. Пока слишком велика опасность привлечь к себе внимание.

Сольгерд растерянно опустила на край плаща, подобрав под себя замёрзшие ноги. Брегир сунул ей в руки флягу с вином и пару лепёшек, накинул край расстеленного плаща ей на плечи.

– Грейся, – коротко бросил он, – я буду поблизости, – и скрылся в сгустившейся ночи.

Прихрамывая, он ушёл в глубину леса, насколько хватило сил, опёрся рукой о ближайшее дерево и согнулся пополам, судорожно глотая воздух. Нет, боги, не сейчас! Скольких он убил сегодня? Пятерых? Больше? Меньше?

Воздух перед глазами плыл и дрожал, словно над костром, знакомая боль рвала лёгкие, крушила рёбра. Только не сейчас! Брегир сполз на колени в мокрый от ночной росы мох, до белых костяшек сжал кулаки и вжал их в солнечное сплетенье, пытаясь подавить зарождающийся в груди рык боли и отчаяния. Из последних сил удерживая ускользящую ясность сознания, он перекатился на спину и окунулся в бархатное бездонное небо, испещрённое точками звёзд, словно дырками от стрел. Острые верхушки вековых елей подпирали ночную тьму. В этот момент он вдруг понял, что сегодня боги особенно милостивы к нему и он справится. Сегодня – справится. Вопреки пролитой днём крови, во имя удерживающей его клятвы и веры старой Келлехерд.

Волна боли схлынула так же внезапно, как и накатила, оставив лишь до предела обострённые чувства и оголённые нервы. Но впереди ещё несколько дней пути, и неизвестно, что будет дальше.

Сольгерд вздрогнула, увидев меж деревьев возвращающегося Брегира, бледного, словно призрак.

– Ты почему не спишь? – резко спросил он, и тут же пожалел о своём тоне: улёгшийся было под слоем дневной усталости страх девушки окатил его волной металлического запаха, острого и холодного.

Брегир опустил на корточки, чтобы их с цесаревной глаза оказались на одном уровне. Повреждённая во время прыжка из окна нога немедленно отозвалась тупой болью. Сольгерд выглядела такой потерянной и так хотела доверять ему, своей последней (и единственной!) надежде на спасение, что он осёкся и забыл, что хотел сказать. Да и что ей скажешь, беззащитному тепличному цветочку, выдранному из родного сада грубой рукой? Цесаревне, брошенной в тёмный лес, где каждый шорох листьев, каждое движение ночного воздуха звучит как обещание смерти, неминуемой и страшной.

Он снял свой выдавший виды плащ и накрыл им её плечи.

– Послушай меня, Сольгерд, – произнёс он спокойно и твёрдо, поймав её отчаянный взгляд, – твоя сохранность для меня сейчас важнее всего, и я не смогу тебя защитить, только если буду мёртв. А умирать я пока не собираюсь. – Он едва заметно усмехнулся. – Ты держалась молодцом, и то, что сейчас тебе страшно – нормально. Ночью все чувства обостряются, особенно страх. Но я хочу, чтобы ты доверилась мне и отдохнула, завтра будет долгий день. Хорошо?

Что ещё ей сказать, он не знал. Это и так была слишком длинная речь. И ему очень хотелось верить, что он не солгал.

Сольгерд кивнула. От неё отчётливо пахло непролившимися слезами усталости, тревоги и накопившегося страха. Он выпрямился и отошёл на несколько шагов, устроился под деревом, прислонившись спиной к шершавому стволу.

– А вы?

– Что – я? – обернулся Брегир на слабый оклик.

– Вы разве не будете спать? Совсем? Всю ночь? Завтра будет долгий день...

– Я привык, – бросил он, давая понять, что разговор окончен.

Сольгерд проснулась на рассвете от пронзительного луча новорожденного солнца, скользившего по её векам. Она не сразу сообразила, где находится, резко дёрнулась, но затёкшая спина не дала ей сесть. Через несколько секунд она вспомнила всё, что с ней случилось – будто в лицо плеснули пригоршней воспоминаний вчерашнего дня, холодных и оттого бодрящих, как проточная вода. Захотелось снова уснуть и проснуться в своей опочивальне, спуститься к завтраку и увидеть отца, живого и невредимого. А потом гулять по саду, слушать затейливые сказки нянюшки Келлехерд и пытаться увильнуть от ненавистного послеобеденного шитья золотом. Сейчас она готова была вышить хоть целую скатерть, хоть две! Лишь бы вернуться в те спокойные дни недавнего прошлого.

...Но Брегир вновь посадил Сольгерд в седло, спина немилосердно напомнила ей о вчерашнем пути, и цесаревна не сдержала стога.

– Твоё упрямство тебе только вредит, – устало заметил Брегир. – Прислонись ко мне, ехать ещё не один день.

Он легонько потянул её на себя, и когда она, бросив упрямиться, поддалась, прижалась спиной к его груди, боль поутихла.

Они ехали молча. Сольгерд боялась лишний раз шевельнуться. Сквозь тонкую Брегирову рубашку и своё платье она чувствовала сердцебиение Брегира, тепло его тела и ровное дыхание. Это отчего-то и завораживало и успокаивало, убаюкивало на пару с ровным шагом коня. Ощущение безопасности окутало Сольгерд невесомой дымкой и она боялась спугнуть его неосторожным движением.

Острота чувств ещё не покинула Брегира, и он понимал, что ночная опасность не миновала. Нужно окончательно прийти в себя, и окунуться в холодную воду будет весьма кстати. Он направил коня к лесному озеру, благо, оно было по пути.

Сначала Сольгерд показалось, что впереди большая поляна, но когда просвет меж деревьями стал шире, она увидела яркие солнечные зайчики и поняла, что это озеро, плоское и круглое, словно серебряное блюдо, и такое же слепящее под утренним солнцем. Брегир спешил и снял её с коня.

– Можешь искупаться. Но осторожней, чуть дальше от берега омуты, – сказал он, пробираясь в высокой траве к пологому берегу.

Сольгерд мысленно возмутилась: конечно же, она не станет купаться в присутствии постороннего мужчины, ещё чего! А тот тем временем снимал с себя рубашку.

– Только не вздумайте, – в её дрогнувшем голосе зазвенели цесарские нотки, смутившие её ещё больше, – раздеваться! – добавила она тише.

Брегира накрыло пронзительным букетом запахов из её страха, смущения и всех тех «цесарских приличий и правил», в которых её растили с самого рождения. Даже в горле запершило от едкой приторности. Он обернулся и вскинул руки перед собой, будто успокаивая нервную лошадь:

– Я только сниму сапоги, можно? – спросил он миролюбиво, не сумев до конца спрятать звучащий в голосе смех.

Лёгкий ветерок тут же донёс до него новый оттенок цесаревниного гнева: она поняла, что он не воспринимает её всерьёз. Она же воспринимала чрезмерно серьёзно абсолютно всё.

Он потуже затянул ремешок на длинных волосах и прыгнул в озеро, полностью скрывшись в омуте. Старательно отводившей взгляд от полураздетого Брегира Сольгерд вдруг подумалось, что тот, кто обладает истинной силой, никогда ею не хвастает. Она сквозит в каждом его движении, пугая и восхищая одновременно, даже если он всего-то ныряет в воду. Вот как сейчас...

Сольгерд осторожно подобралась к краю озера, зачерпнула горсть студёной воды и умылась. Брегир вышел на берег неподалёку, отряхнулся и отжал волосы. Сольгерд украдкой бросила на него любопытный взгляд и едва слышно ахнула: всю грудь и плечи мужчины покрывали шрамы: от длинных грубых рубцов, похожих на удар чьих-то чудовищных когтей, до небольших круглых отметин, словно следов от арбалетных болтов.

Один из таких шрамов у левого плеча приковал взгляд цесаревны. Брегир заметил это, и нехорошее предчувствие шевельнулось где-то в глубине его души. Словно зачарованная, девушка подошла к нему на расстояние вытянутой руки, не отрывая взгляда от рубца, которого она уже не видела. Ей удалось наконец поймать то самое воспоминание, которое ускользало от неё, как сон на рассвете.

Перед её внутренним взором раскинулась поляна на опушке леса, цесарский пикник, нянюшки, лакеи, пледы и скатерти, корзины с фруктами и воздушный змей, привязанный тонкой лентой к ветке дуба. Отец, снявший туфли, счастливо щурившийся на солнце, надкушенный персик, тёплые грозди винограда, приманившие осу. И четверо высоких и крепких молодых мужчин, что не принимают участия в радостной суете: они стоят спиной, то и дело бросая настороженные взгляды по сторонам.

Вдруг одна из нянек пронзительно визжит, и Сольгерд (ей лет пять, не больше) видит спину королевского телохранителя слишком близко. Как он оказался на их ковре так молниеносно? Что он... отец хватает её за плечи и отштырывается назад за секунду до того, как телохранитель падает к их ногам. И Сольгерд видит его длинные чёрные волосы, разметавшиеся среди раздавленного винограда, болт, торчащий из левого плеча, и пятно цвета вишнёвого сока, расплазавшееся под древком. Она смотрит на это вечно, не меньше, откуда-то из другого мира кричит нянюшка, хватая её поперёк тела, пытается оттащить в безопасное место и одновре-

менно заслонить её глаза ладонью: «Не смотри, дитяtko, не смотри!». Но Сольгерд не может не смотреть, она вырывается из рук Келлехерд и перехватывает взгляд раненого воина, и тут её подхватывает другой телохранитель, сопротивляться которому бесполезно.

– Это был ты! – заворожено прошептала Сольгерд, поднимая глаза на Брегира и узнавая его взгляд – взгляд умирающего на плечах для пикника воина. – Ты спас отца от стрелы. Закрыл его собой. Ты был его телохранителем! – Её пальцы потянулись к старому шраму на левом плече, но Брегир избежал прикосновения, наклонившись за рубашкой.

– Я был телохранителем цесаревны, – сухо бросил он, одеваясь.

Близился полдень. В голове Сольгерд жужжал рой вопросов, но задавала она их всё реже – всё равно Брегир не отвечал.

– Почему я не помню тебя после? Ты перестал служить отцу?

– После я стал... непригоден для службы цесарю.

И это был единственный ответ, который она получила. Об остальном приходилось лишь догадываться, и каждая следующая догадка была невероятнее предыдущей.

Они выехали на небольшую полянку, поросшую травой почти в человеческий рост.

– Где-то здесь была заброшенная охотничья яма, – сказал Брегир, пуская коня по краю поляны, чтобы ненароком не угодить в ловушку.

Внезапно конь встал как вкопанный, а потом в испуге попятился, и из травы по ту сторону поляны поднялся на задние лапы высокий косматый медведь. Сольгерд тихонько ахнула.

– Ш-ш-ш, – зашипел над ухом Брегир, успокаивая то ли её, то ли лошадь, то ли всех сразу. – Не делай резких движений.

Он медленно повернул коня обратно в лес, не выпуская из вида медведя, который, казалось, и не думал на них нападать. Но стоило путникам убраться под сень деревьев, зверь выбежал на середину прогалины, вновь встал на задние лапы и заревел. Конь взвился на дыбы и едва не выкинул Сольгерд из седла, но Брегир удержал её. Медведь закричал, и Сольгерд в этом рёве слышались отчаяние и боль. А через мгновение раздался другой, приглушённый и слабый рык.

– Что это, Брегир? Медведь ранен?

– Нет, он вполне здоров, как видишь.

Он подстегнул коня, чтобы побыстрее убраться от опасного места. Рёв раздался ещё раз, но уже гораздо дальше.

– Ты слышишь, как он кричит? И кто-то ему отвечает! – не унималась Сольгерд.

– Это медведица. И медвежонок. Видимо, он провалился в старую яму.

– И не может выбраться? Брегир, он не сможет выбраться сам? – Сольгерд обеспокоенно на него оглянулась. – Брегир?

– Такие ямы делались как раз с этой целью. Чтобы зверь не смог из неё выбраться.

– И что же теперь будет с медвежонком? Он погибнет там? А мать? Подожди, останови коня!

Брегир не обращал внимания на её вопросы, и Сольгерд попыталась отобрать у него поводья или хотя бы соскочить с седла. Не вышло ни того, ни другого.

– Брегир! – воскликнула она, в бессильном возмущении пихнув его кулачком в плечо.

– Что? Что ты от меня хочешь?

– Разве мы им не поможем?

– Кому – диким медведям?!

– Матери и малышу, попавшим в беду! Брегир, мы не можем их бросить!

Он закатил глаза и тяжело вздохнул.

– И как ты это себе представляешь? Мать задерёт нас раньше, чем я успею спуститься в яму.

– Не задерёт! Ей нужна помощь, и если она поймёт, что мы можем ей помочь...

– Это медведь, Сольгерд! Он, представь себе, не знает, что есть на завтрак глупых цесаревен неприлично!

Сольгерд обиженно надулась и замолкла, но ненадолго.

– У моего отца были волкодавы. Огромные свирепые псы. Мне запрещали даже близко подходить к псарне, но я сбегала от няnek и подолгу пряталась среди своих мохнатых друзей. Однажды один из них заболел. Он никого не подпускал к себе, огрызался, не брал еду, и никто из псарей не смог дать ему лекарство. А у меня получилось. Они же всё понимают и чувствуют! Нужно просто уметь с ними разговаривать.

– Это не собака, это медведь.

– И что? Он чем-то хуже? Не заслужил помощи? Поставь себя на его место – хорошо ли?

Брегир резко натянул поводья, остановил лошадь и развернул Сольгерд за плечи, заглянув в её глаза.

– Даже если ты – великая заклинательница медведей и способна уговорить любого из них на что угодно... – Он запнулся, сбился с мысли, тяжело вздохнул. – Пойми, медведь – опасный и непредсказуемый зверь. Я не смогу защитить тебя, когда полезу в яму, а ты останешься там, с ним. Я не буду так рисковать.

– И не надо! – воодушевилась Сольгерд, почувствовав, что Брегир дал слабину в их споре. – Ты спустишь меня в яму на верёвке, я привяжу к ней медвежонка, и ты вытащишь его наверх. А потом и меня. Что скажешь?

То, что сейчас хотелось сказать Брегиру, произносить при девушках не стоило. Поэтому он промолчал.

– Пожалуйста, позволь мне попробовать поговорить с ней! Ну пожалуйста! – не отставала Сольгерд. – Обещаю, мы бросим эту затею, если медведица будет угрожать нам. Но она просит о помощи, ты же её слышал! Неужели ты сможешь вот так просто уехать? И потом спокойно спать? Я – нет!

– Ладно, – сдался Брегир, мысленно проклиная себя, старую Келлехерд, упрямую цесаревну и этих, леший их дери, медведей. – Но медведица должна уйти с поляны, иначе мы не будем доставать медвежонка.

Вернувшись, они нашли медведицу на прежнем месте. Она поднялась на задние лапы по ту сторону поляны. Сольгерд сделала осторожный шаг из-под деревьев, Брегир, обнажив меч, держался чуть впереди. Медведица внимательно на них смотрела.

– Может, ты уберёшь меч, он её пугает! – прошептала Сольгерд, но Брегир ей даже не ответил.

Ещё шаг. И ещё. Медведица по-прежнему смотрит, стоя на задних лапах.

– Здравствуй! Меня зовут Сольгерд, – заговорила цесаревна тихим, баюкающим голосом, – а это – Брегир. Он хороший, ты не смотри, что такой грозный. – Ещё три медленных шага. – Мы хотим тебе помочь. Твой малыш попал в беду, да? Он упал в яму и не может выбраться. А у тебя не получается помочь ему.

Ещё несколько шагов.

– Сольгерд, слишком близко! – едва слышно прошептал Брегир.

– Ш-ш-ш, – отозвалась она, не отрывая взгляд от медведя. – У тебя не получается, потому что нет верёвки. А у нас она есть.

Медведица медленно опустила на все четыре лапы, цесаревна сделала ещё шаг и оказалась на краю охотничьей ямы, медведица на противоположной стороне тихонько заворчала, и со дна ловушки ей ответил медвежонок.

– Сольгерд, отойди от края!

– У нас есть верёвка, и мы можем вытащить твоего малыша. Позволь нам помочь, хорошо? Отойди, пожалуйста, подальше.

Медведица беспокойно заходила из стороны в сторону по краю ямы. Сольгерд продолжала убеждать её уйти к деревьям, но та лишь отошла на пару шагов.

– Всё, Сольгерд, ты попробовала. Не получилось. Мы уходим.

И тут земля под ногами цесаревны осыпалась, и та скатилась на дно ловушки. Медведица и Брегир одновременно бросились к яме, каждый со своей стороны.

– Сольгерд?

– Всё хорошо, – отозвалась та.

Её голос был слишком весёлым и довольным, чтобы поверить в случайность падения.

– Раз уж я всё равно здесь, кидай верёвку, я привяжу медвежонка!

Проклятая цесаревна! Брегир с облегчением перевёл дух, не понимая, злится он на неё или рад, что она не пострадала. Он осмотрелся в поисках медведицы. Из-за ближайшей к поляне ёлки робко торчал медвежий нос. Она ушла, как её и просили, и смиренно ждала, когда помогут её малышу.

Небо в просвете листьев тронули ранние сумерки.

Сольгерд пробиралась сквозь кусты в поиске наиболее уединённого места, оставив Брегира ждать её у лошади и, конечно, не придав значения его запрету уходить далеко. Да и вовсе не далеко это! Отодвинув очередную пышную ветку, она вдруг увидела маленький огонёк, похожий на светлячка, маячивший так близко от неё, что можно было поймать рукой, если изловчиться. Следом появился ещё один. И ещё.

– Лесные огни, – прозвучал в голове голос старой Келлехерд, – так лесной принц выбирает себе суженую. Находит девушку, особенную, самую лучшую, в которую влюбляется без памяти.

– Влюбляется... – едва слышно выдохнула Сольгерд.

– И посылает ей лесные огни. Если она пойдёт за ними, окажется в его царстве и станет королевой.

– А потом что?

– А потом будет самой счастливой на свете.

– Самой счастливой...

– Конечно, ведь она – жена лесного принца, который многим лучше человеческих мужчин!

– Многим лучше...

– Особенно Таерина, который тебя никогда не полюбит.

– Никогда...

– Ведь ты бледна и чересчур худая, а разве такие нравятся местным королевичам? Разве ты не хочешь быть особенной для своего избранника? Самой прекрасной, самой любимой?

– Любимой...

– Смотри, лесной принц уже полюбил тебя, он выбрал *тебя*, а не союз, выгодный его королевству.

– Меня...

– Так иди же к нему, иди скорее, и будь счастлива!

– Сольгерд! Стой, Сольгерд! – словно из-под толщи воды донёсся ещё один, смутно знакомый голос. – Проклятая цесаревна!

– Не слушай. Твой охранник – простой человек, он ничего не понимает, он не знает, как хорошо тебе будет в царстве лесного принца. Иди, дитяtko, не оборачивайся!

– Сольгерд! Посмотри на меня, Сольгерд!

– Ещё шаг, ещё чуть-чуть осталось, дитяtko, давай же!

– Сольгерд! Дрянная девка, не слушай их!

А дальше следовало такое выражение, что цесаревну будто кипятком ошпарило от возмущения, она попыталась резко обернуться на кричавшего ей в спину Брегира и поняла, что не может пошевелиться. Лесные огни, за которыми она шла, мигнули и погасли, и Сольгерд обнаружила себя по грудь в трясине, так обманчиво похожей на лесную поляну. Волна паники захлестнула её с головой, и Сольгерд не смогла даже закричать.

– Не двигайся, я тебя вытащу!

Голос Брегира был совсем близко. По плечу хлестнула верёвка, завязанная на конце петлёй.

– Просунь одну руку в петлю и держись обеими руками за верёвку очень крепко, поняла? Готова? Пошёл!

Сольгерд умудрилась зайти слишком далеко. Брегиру пришлось подползти поближе, чтобы добросить до неё конец верёвки. Другой верёвкой он был привязан к оставленному на безопасном расстоянии от трясины коню, который и вытащил их обоих из топи.

Вся грязная и насквозь промокшая, Сольгерд повалилась на твёрдую землю, захлёбываясь рыданиями. От холода и пережитого ужаса её била крупная дрожь. Брегир, мрачный, как ночная чаща, стоял рядом, опустив голову и уперев руки в бёдра.

– Прости меня, пожалуйста! – пролепетала цесаревна, подняв на него мокрые глаза со слипшимися стрелочками ресниц.

Пытаясь утереть слёзы, она лишь размазала по лицу болотную грязь. – Прости меня, пожалуйста, я так виновата! – и она заплакала ещё горше, даже не пытаясь оправдаться.

И что-то будто надломилось у Брегира в груди, и злость его на цесаревну сдуло, словно дым от курительной трубки. Он знал, как умеют заманивать в трясину болотные огни, и противостоят им способен далеко не каждый. Особенно, если не готов столкнуться с подобным. Сам виноват, нужно было пройти с ней, убедиться в безопасности и только потом оставить. Он протянул ей руку.

– Пойдём, нам нужно найти ручей. И развести костёр.

К тому времени, как они добрались до ручья, уже стемнело. Болотная грязь коркой засыхала на платье, волосах и коже и напоминала ощущения от бесстыдного и хищного взгляда Рейслава. Сольгерд так сильно хотела отмыться от этого мерзкого чувства, что её не смутила даже студёная ручейная вода.

Ручей оказался маленькой речкой шириной в несколько шагов и глубиной по пояс. Брегир проверил дно, оставил на траве свой плащ:

– Наденешь, когда искупаешься. И ни шагу в сторону, закончишь – сразу к костру!

Сольгерд кивнула и ступила в воду прямо в платье, сбросив лишь туфли.

– Ты в одежде собираешься мыться? – осведомился Брегир.

Сольгерд обернулась и посмотрела на него таким жалобным взглядом, что он даже не рискнул над ней подшучивать: всё ясно, по цесарскому этикету не положено. По цесарскому этикету, твёрдо вколоченному в её голову няньками и старыми девами, что занимались её воспитанием, она должна была умереть от стыда ещё вчера. Или хотя бы упасть в обморок.

– Я буду разводить костёр. За кругом костра – чернота, ничего не видно, – устало бросил он и отошёл в сторону.

Сольгерд поймала себя на том, что уверена: Брегир не сделает ничего предосудительного, но она была туго спелёнута строгостями и запретами, в которых её растили. Нянюшки осудили бы и её доверие, и, тем более, поведение.

Помявшись немного на мелководье, Сольгерд заключила договор с собственными страхами: она зашла в реку, присела по шею, и только тогда решилась снять платье. И сто раз об этом пожалела: выпутываться из ткани в воде оказалось гораздо сложнее и дольше, чем на суше, и девушка успела замёрзнуть, избавляясь от наряда.

Отмывшись от болотной грязи и неумело прополоскав платье, она на цыпочках просемила к оставленному плащу и завернулась в тёплую ткань. Плащ пах Брегиром: лесом, костром, железными монетками и чем-то похожим на медвежью шкуру, которая лежала дома перед креслом отца.

До подбородка закутавшись в плащ, Сольгерд села к костру. Хотела протянуть ладони к огню, но испугалась, что ткань может соскользнуть с её голых плеч, а она не успеет её подхватить. Брегир протянул ей флягу с вином и порцию лепёшек, а потом высыпал что-то ей на колени. По яркому, солнечному запаху Сольгерд сразу узнала дикую малину.

– Где ты её взял? – восторженно выдохнула она.

Брегир лениво улыбнулся и неопределённо кивнул на кусты позади себя. Глаза Сольгерд светились искренним изумлением и благодарностью, и сердце Брегира, поросшее за эти годы репьём да лебедой так густо, что он сам уже начал сомневаться в его существовании, согрелось волной тепла и... нежности.

Сольгерд, пригревшись под плащом и разомлев от вина, свернулась калачиком, положила под щёку ещё хранящую малиновый запах ладонь и очень быстро уснула. Ей снились лесные поляны, полные ягод, и большие звери, чутко дремавшие у её ног. Их мохнатые белые головы доверчиво покоились на её коленях. А по ту сторону костра Брегир следил задумчивым взглядом за причудливым танцем огненных отблесков на изгибах её чёрных, как ночное небо, локонов.

– К ночи мы будем на границе королевств, – сказал Брегир около полудня. – Лес закончится, и полдня пути будут поля и деревни, их там слишком много, чтобы обойти, не встретив людей. Сегодня праздник Вершины лета, жители будут всю ночь веселиться, поэтому мы заночуем в лесу, а на рассвете, когда они разбредутся по домам, продолжим путь. Если до полудня достигнем Большого Бора, к утру будем в замке принца Таерина.

Сольгерд непроизвольно поёжилась: из-за всех приключений, свалившихся на её голову, она даже не думала о том, что станет, когда они наконец достигнут цели своего путешествия. Ей казалось, что путь окажется бесконечно долгим, и рядом всегда будет спокойный и сосредоточенный Брегир. Уставший и молчаливый, хмурый, словно ноябрьские сумерки, он сможет защитить её от любых опасностей.

А потом перед её внутренним взором предстал принц и неизбежное замужество. Цесаревна не знала, как он выглядит, но воображение рисовало образ малопривлекательный и угрожающий. А ведь ей с ним жить всю оставшуюся жизнь! Ей придётся терпеть его прикосновения, делить с ним ложе! Сольгерд вздрогнула всем телом от омерзения. Остаток дневного перехода она молчала, угнетённая невесёлыми мыслями.

На ночной привал им пришлось остановиться раньше, чем обычно: из-за деревьев доносились громкие голоса и звонкий смех. Деревенские девки и парни складывали на лесной поляне большой костёр и готовились плясать вокруг него всю ночь. Они бы не пошли слишком глубоко в лес, значит, деревня была поблизости, и там, конечно же, тоже собирались праздновать, но уже люди постарше да малые дети. Путникам следовало переждать на безопасном расстоянии. Наверняка Рейслав позаботился, чтобы о похищении цесаревны знала каждая гусеница на капустном листе, и их могли узнать.

Ночь была ясная и тёплая, лёгкий ветерок доносил до Сольгерд музыку и обрывки весёлых выкриков с далёкой поляны. Сегодня ей не спалось.

– Можно я посмотрю? Ну одним глазком? Брегир? Можно?

Она никогда не видела деревенских праздников. То, что происходило во дворце, праздниками назвать было сложно. Во всяком случае – Брегиру. Он помнил тяжёлые и душные туалеты дам, мужчин, утянутых в узкие камзолы, церемонные реверансы, натянутые улыбки,

строгие правила за столом. Вычурные танцы, па которых были столь сложны и витиеваты, что вряд ли могли доставить напыщенным танцорам удовольствие.

То ли дело – весёлые крестьянские застолья и пляски у костра под скрипку, где никто не буравит тебя взглядом в надежде уловить неправильный наклон головы или изгиб руки. А дальше – дальше для неё будет всё точно так же, только придирчивого внимания будет больше, чем в отчем доме, а любви – меньше. Брегир мрачно вздохнул: это была негодная мысль, но... За кругом костра темно и ничего не видно. Особенно если тебя скрывают деревья.

– Какие странные у них танцы! – с восторгом прошептала Сольгерд, выглядывая из-за молодой еловой поросли. – Во дворце танцоры только и могут коснуться кончиков пальцев друг друга на расстоянии двух вытянутых рук, а тут они стоят почти вплотную! А таких быстрых хороводов у нас совсем не бывает, – цесаревна хихикнула, – нянюшки бы сказали, что это непристойно!

Молодые парни и девки, взявшись за руки, водили хоровод вокруг костра под весёлую мелодию двух скрипачей. У некоторых на щиколотках или подолах были привязаны бубенчики, вызывающие ритм танца. А когда скрипачи играли протяжную песню, танцующие разбивались на пары, девушки опускали руки на плечи парням, а парни поддерживали их за талию и кружили, кружили!..

– Зато шаги совсем простые, – заметила Сольгерд. – Раз-два-три, четыре! – Она с лёгкостью повторила движение танцующих и тихонько рассмеялась. – А ты умеешь танцевать?

Брегир сидел, привалившись спиной к вековому дереву, положив локти на согнутые колени. Посасывая травинку, он подумал, что не стоило сегодня давать цесаревне вина на ужин – ночь-то тёплая, и так не замёрзла бы.

– Когда-то умел, – неохотно отозвался он.

– Вот так? – кивнула она на освещённую костром поляну.

– Вот так, – согласился он.

– Брегир, – позвала Сольгерд, подойдя чуть ближе, – потанцуй со мной. Пожалуйста!

Кто-нибудь из её воспитательниц сказал бы на это, что она совсем стыд потеряла. Но сейчас их мнение для Сольгерд стало вдруг смешным и неважным. За последние пару недель она лишилась всего: отца, дома, королевства, надежд на счастливое будущее... И сейчас ей хотелось танцевать. Вот так, как эти простые и счастливые люди, хотя бы один раз в жизни. Голова немножко кружилась от выпитого вина и пронзительных запахов летней ночи, Брегир смотрел на неё молча и как-то странно, но когда она умоляюще потянула его за рукав, и он будто бы нехотя поднялся с земли, она поняла: он не откажет.

Это было слишком глупо и неуместно даже для неё, а уж для него – и подавно. Но Сольгерд впервые казалась счастливой и одновременно ранимой, а Брегир не нашёл повода отказать ей так, чтобы не обидеть. Он поднялся на ноги и старался не думать, что уступает лишь потому, что хочет её порадовать. Он просто не нашёл подходящего предлога для отказа.

Скрипка заиграла красивую печальную мелодию, и Сольгерд на миг ступсывалась, но потом шагнула ближе и положила руки Брегиру на плечи.

Они танцевали, и Сольгерд всё ближе льнула к нему, сама этого не замечая. На душе было нестерпимо грустно и сладко одновременно. Странно, что именно в каких-то страшных обстоятельствах случаются наиболее счастливые моменты. А может, именно такие обстоятельства и учат ценить даже самое маленькое счастье?

Сердце Сольгерд сжималось от боли потерь недавнего прошлого и ужаса перед грядущим, но сейчас, в эту самую секунду, она была счастлива. Так счастлива, как никогда раньше. Она прильнула к Брегиру и положила голову ему на плечо.

– Я не хочу быть его женой, – прошептала она.

Брегир вздохнул, ему нечем было её утешить.

– Я знаю, у меня нет выбора, но... может, он сам не захочет жениться на мне? Он принц, может выбрать любую. Зачем ему некрасивая жена?

Брегир не сразу понял, что она имеет в виду. Ну конечно! Опять нянюшки, причитавшие из-за непохожести черноволосой, белокожей, изящной девочки с изумрудными глазами на привычных голубоглазых светлокудрых красавиц с пышными формами. Глусун задери этих старых дурёх!

– У него будет самая красивая жена, и он поймёт это, как только тебя увидит, – сказал он, но цесаревна этого словно не услышала.

– Отец всегда говорил мне, что я смогу выбрать того, кого полюблю, – продолжила Сольгерд. – А теперь мне придётся полюбить того, кто выбрал меня. А если я не смогу?

– Сможешь, – чуть помолчав, мягко сказал Брегир. – О нём говорят много хорошего. И он вроде бы недурён собой...

Он хотел успокоить Сольгерд, сказать, что всё будет хорошо. Но не вымолвил больше ни слова. Потому что не смог убедить в этом даже себя. Он держал её в кольце своих рук, вдыхал русалочий аромат её волос, и в груди щемило желание прикоснуться к ним губами.

– Ты... такой хороший, – произнесла Сольгерд, – откидывая голову, чтобы поймать его взгляд.

Брегир отстранился и убрал её руки со своих плеч, непроизвольно задержав тонкие холодные пальцы в своих ладонях дольше, чем следовало.

– Ты меня не знаешь, – ответил он как можно жёстче, чтобы она не услышала сквозящую в его голосе горечь, и зашагал прочь, к месту их ночлега.

Перед самым рассветом его разбудил треск сухих сучьев. Брегир пошёл проверить, не забрёл ли кто к месту их ночлега, но никого не заметил. Зато нашёл несколько грибов. Он прошёл мимо, не обратив на них внимания, но вдруг подумал, что цесаревна уже несколько дней питается только чёрствыми лепёшками. И вернулся.

Сольгерд проснулась от чудесного аппетитного запаха. Рассвет уже разливал свой мёд по небу и верхушкам деревьев, а Брегир, сидя перед костром, жарил нанизанные на прутики грибы.

Завтрак оказался гораздо вкуснее всех тех разносолов, которыми потчевали Сольгерд во дворце!

Брегир видел, как она радовалась, и нежность, с которой у него никак не получалось совладать, до боли сжимала его сердце.

Задумавшись, Брегир услышал их слишком поздно – пятерых деревенских парней, пробирающихся к их костру. Хвататься за лежащий неподалёку меч было бессмысленно – они явно не были искусны в бою и не представляли серьёзной угрозы, а Брегир не хотел никого убивать зря. Поэтому он даже не потрудился подняться на ноги и остался сидеть у костра.

Парни, румяные и плечистые, как пить дать – первые женихи на деревне, остановились на безопасном расстоянии. Может, и не думают ничего недоброго?

– Эй, ты! – окликнул один из них, самый нарядный, видимо, ещё не успевший переодеться в простое после праздничной ночи. – Мы знаем, кто ты!

Брегир окинул ребят скучающим взглядом: а нет, думают.

– Ты убиец, похитивший цесаревну от жениха!

Ребята медленно брали их в кольцо.

– За твою голову обещают золото! Много золота! Но мы тебя не тронем, если отпустишь цесаревну.

– Пусть идёт, я её не держу, – спокойно ответил Брегир.

Парни оторопело переглянулись, побледневшая Сольгерд уставилась на Брегира.

Он смотрел ей в глаза спокойно и уверенно, и в его взгляде красноречиво читалось: «Всё хорошо. Я с тобой. Не бойся».

– Эй, цесаревна, – робко позвал здоровый детина, вооружённый деревянной дубинкой, – пойдёмте с нами, цесаревна, мы вернём вас вашему любимому!

– Рейслав мне не любимый! – со всей твёрдостью, на какую была способна, ответила она, – он желал мне зла, а мой... телохранитель спас меня.

– Совсем запугал девушку, изверг, – шепнул третий, за поясом которого болтался кистень на кожаном ремне.

– Идите домой, – устало уронил Брегир, – не связывайтесь не в своё дело.

– Мы пойдём, – произнёс первый, – но цесаревна пойдёт с нами! – Двое парней направились к Сольгерд, а тот, что стоял позади Брегира, опустил на плечо воина ладонь. Он рассчитывал сдержать его, если тот решит перечить, но даже не успел сомкнуть пальцы. Брегир рывком дёрнул его за запястье вперёд, выбил дух ударом плеча в живот, и перебросил через плечо, уложив спиной в костёр. Парень пронзительно завопил, извиваясь в снопе искр и пепла.

Брегир вскочил на ноги, нырнул под замах дубинки и скрючил нападавшего на траве ударом в пах. Завизжала Сольгерд, которую схватил один из «защитников», а тот, что попал в костёр, наоборот, орать перестал, умудрившись снять с себя пылающую куртку.

Брегир пинком выбил нож из руки бросившегося на него заводилы, ударил его ребром ладони в горло, и парень сменил на траве очухавшегося от боли товарища, который подскочил на ноги. Он замахнулся дубинкой, но Брегир перехватил его руку и сокрушительным ударом вновь уложил его наземь, отобрав оружие.

Краем глаза воин увидел, что Сольгерд исхитрилась пнуть в колено того, который тащил её за руки, и вырвалась из захвата, но убежать не успела.

Брегир походя ударил подоспевшего обожжённого парня лбом в переносье, перешагнув через упавшее без чувств тело и с треском опустил дубинку на темечко одного из двоих, пытавшихся совладать с цесаревной. Оставшийся один на один с Брегиром парень выпустил Сольгерд, бросился на него, размахивая кистенём, но на полпути (видимо, оценив свои шансы) резко изменил направление, и, запустив в Брегира своим единственным оружием, дал дёру.

– Они живы? – спросила Сольгерд спустя некоторое время.

– Живы.

– Все?

– Все.

– Они думали, что спасают меня... Получается, они хотели помочь.

– Они хотели выставить себя героями перед родной деревней.

Лес закончился, и впереди, насколько хватало глаз, простирались зелёные поля, поросшие высокой травой. Справа тёмными нагромождениями виднелась деревня. Чтобы её объехать, они заложили заметный крюк.

Брегиру не давал покоя сбежавший парень. Остальным, чтобы добраться до деревни, понадобится немало времени, но тот уже мог донести гвардейцам. Деревня большая, в ней есть постоянный двор, который наверняка под присмотром людей Рейслава на случай появления там сбежавшей цесаревны. Пятеро гвардейцев – не пятеро деревенских хвастунов, их придётся перебить всех. А Брегир знал, чем это для него обернётся. Не надо было отпускать парня. Он погонял коня и то и дело оглядывался, ожидая увидеть погоню.

И он её увидел. Когда деревня осталась далеко позади, на горизонте появилась чёрная точка. Она росла слишком быстро, чтобы они успели уйти от преследователей на уставшем коне, который нёс двоих уже не первый день.

Брегир остановил лошадь у одиноко стоящего раскидистого дуба, спешился и снял цесаревну.

– Сольгерд, позади нас – гвардейцы Рейслава, – сказал он как можно спокойней и мягче, но она всё равно испугалась. – Ты должна уехать так далеко, как только сможешь.

– А ты? Я не смогу без тебя! – Сольгерд вцепилась в его рукав.

Он накрыл её холодные дрожащие пальцы своими ладонями, поднёс к губам, словно хотел согреть. Поймал её полный ужаса взгляд.

– Я не смогу тебя защитить только если буду мёртв, помнишь? А умирать я пока не собираюсь. Когда они поймают тебя (а они поймают), не сопротивляйся им. Я встречу вас на обратном пути, всё будет хорошо. Просто сейчас мне нужно немного времени.

Сольгерд сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и кивнула. Брегир подсадил её в седло и хлопнул коня по крупу.

Всадники летели стремительно, и неразборчивая точка очень быстро превратилась в шестерых гвардейцев. Брегир ждал их, укрывшись за деревом. Когда они поравнялись с дубом, воин метнул нож. Один из всадников вылетел из седла, захлёбываясь кровью из пронзённого горла, и лошадь ещё какое-то время тащила его за собой за застрявшую в стремяни ногу. Остальные затормозили, но двое сразу же продолжили преследование, а трое, обнажив мечи, направили коней на Брегира.

Он подпустил их достаточно близко, а потом резко ушёл в сторону, рубанув мечом по ногам ближайшей лошади. Она рухнула, как подкошенная, подмяв под себя всадника и переломав ему кости. Остальные двое пролетели мимо. Развернув коней, они двинулись на воина уже осторожнее. Брегир сорвал с шеи плащ и бросил его в лицо ближайшему всаднику, тот инстинктивно отмахнулся мечом, на мгновение открывшись для удара, и завалился назад со вспоротым брюхом.

Второй всадник привстал в стремях и обрушил на Брегира меч. Брегир поймал удар на свой клинок и увёл по касательной, уйдя в сторону. Удар за ударом их мечи встречались друг с другом, но ни один не мог достать противника. Гвардеец уверенно теснил Брегира и, подняв коня на дыбы, сбил Брегира с ног ударом копыт. Треснувшее ребро обожгла боль, но он моментально откатился в сторону и точным ударом перерезал подпругу. Всадник слетел вместе с седлом; поцарапанная клинком лошадь метнулась прочь, поддав упавшему седоку задними копытами, а Брегир, вскочив на ноги, пригвоздил его мечом к земле.

Спустя несколько тяжёлых вдохов, отдававшихся тупой болью в рёбрах, Брегир вытащил меч из тела гвардейца, остриём рассёк горло другого, который всё ещё стонал, придавленный конём. Подобрал свой плащ, он подошёл к замершей неподалёку лошади, скинул с её спины труп седока и сел в седло.

Он увидел двух всадников, когда те уже возвращались с покорно висевшей поперёк седла одного из них Сольгерд. Отпустил поводья, давая коню отдохнуть, и медленно вытащил меч из ножен. Гвардейцы в ответ дружно потянулись к рукоятям своих мечей.

Пустив коня в галоп, Брегир вклинился между всадниками, отбивая мечом удар первого клинка, а от второго защищаясь плащом, намотанным на левую руку. Попеременно отражая сыпавшиеся с двух сторон удары гвардейцев, Брегир выжидал удобного момента, когда кто-нибудь из противников допустит ошибку и даст ему возможность нанести смертельный удар. Но силы были не на его стороне. Клинок гвардейца, что вёз цесаревну, соскользнул с препятствующего ему меча и полоснул по груди Брегира, длинной линией рассёк тонкую ткань рубахи и плоть под ней. Сольгерд закричала и рванулась к Брегиру, едва не упав с лошади, и всадник отвлёкся, пытаясь её удержать, а через мгновение его голова полетела под копыта коня.

Оставшийся гвардеец напирал, обрушивая на раненого Брегира шквал ударов, и тому пришлось сосредоточиться на защите, чтобы удержаться в седле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.